

Е.В. Иванова

ПРОБЛЕМА ПОИСКА МИФА О ГЕРОЕ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена размышлениям о необходимости формирования в современном российском обществе образа политического культурного героя как средства идентификации индивида с общественными нормами, идеалами нации – специфики действия носителя и проводника данных идей в массы. В качестве примеров рассматриваются различные отечественные культурные герои – эпические, былинные. Приводится механизм мифологического смыслообразования героизма в политике, идеологии, СМИ.

Abstract. The article represents a reflection on the necessity of formation the image of a political culture hero in modern Russian society as an individual's way of identification with social conventions, national ideals – principles of the holder and leader of these ideas into the multitudes. As the examples we view different national culture heroes – heroic, epic. We describe the mechanism of mythical meaning-making of heroism in politics, ideology, mass media.

В последние годы в мифологических исканиях появилось новое направление, посвященное политической мифологии. Например, В. О. Полосин дает такое определение политического мифа: «Политическим мифом называется миф, хранящий в коллективной памяти народа опыт, связанный с действием институтов его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета нации»¹.

Таким образом, в политической мифологии участвуют две стороны: народные массы и политический герой. Массы опираются на поддержку вождя, который подчиняет их себе авторитетом, а не доводами рассудка. Авторитет опирается на архетипический мифический образ культурного героя. Массами движет пропагандистское гипнотическое внушение, которое в современной культуре осуществляется через пространство масс-медиа и интернета. В результате внушения идея превращается в политический миф, побуждающий людей на определенные действия.

Есть ли в современной политической мифологии такой герой? Необходим ли такой культурный герой современному поколению электората? И есть ли национальные традиции формирования такого образа в отечественной ментальности? Попробуем на них ответить.

¹ Полосин В. О. Миф, религия, государство. М., 1999. С. 170.

Начнем с понятия «культурный герой». Культурный герой как главное действующее лицо мифологического смыслообразования выступает в различных «персонах», «масках». Например, характеристика, данная В. И. Далем: «Герой (героиня) – витязь, храбрый воин, богатырь, чудо-воин; доблестный сподвижник вообще, в войне и мире самоотверженец. Герой повести – главное, первое лицо. Геройский – славный, отважный, отчаянный, смелый, доблестный»¹. Культурный герой есть у каждого народа, выступая как национальный герой. В литературе, посвященной анализу народной демонологии фигурирует понятие «народный персонаж», имеющее «определенное имя и набор функций»². Говоря о былинном эпосе, используется понятие «богатырь», «типичный» или «не типичный». Часто мифологами упоминается «сказочный герой», «легендарный герой». Исследуется и языческий культурный герой волшебных сказок Баба Яга³. В литературе существует «герой нашего времени», в идеологии – герой Отечества и т. д. Обратим внимание на взгляд Ф. Ф. Зелинского, крупнейшего европейского исследователя античности, филолога Серебряного века. Он выявляет этапы становления героя в истории культуры. Первый этап – героями становились покойные цари. Второй этап – послегомеровская эпоха. «Возник обычай считать героями тех людей, которые оказали общине выдающиеся заслуги, а это были основатели, экзисты и ктисты общины – для древних общин обязательно люди мифической старины»⁴. Третий этап – мифологизирование героев спасителей (например, законодателей) или воинов, погибших за отечество. Уже со времен античности существовала философская концепция мифотворчества – эвгемеризма, сторонники которой придерживались мнения, что мифология складывается из обожествления героев. Эвгемер открыл путь становления в сознании масс образа героя, подчеркивая его земное происхождение. Когда обществу необходимы сакральные героические идеалы для поддержания его целостности, воспитания подрастающего поколения, выбирается обычный человек, но совершивший необычно значимое для общества деяние – геройский поступок, требующий массового подражания. Поколения сменяются, но герой наделяется все более не-человеческими, и более мифическими чертами всеобщей положительности – он образец, идеал для поклонения и подражания в массовом сознании.

¹ Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2000. С. 170.

² Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000. С. 29.

³ The problem of mysteriousness of Baba Yaga character in religious mythology. Журнал Сибирского федерального университета. Серия Гуманитарные науки. т.6. 2013. №. 12. С.1857.

⁴ Зелинский Ф.Ф. История античной религии. Ростов-на-Дону, 2010. С. 248.

Однако когда происходит смена идеологии и политической мифологии, необходимость в идеале отпадает, и происходит процесс «разгероизации» и разоблачения. На место прежним героям необходимы новые...

Поэтому, для того, чтобы выявить специфику политического культурного героя в мифологическом смыслообразовании, определим локусы действия «героя как такового». Думается, что специфика лучше всего выявится через динамические и статические характеристики; в динамике – через генезис понятия «культурный герой» проявятся архаическая и современная дефиниции, в статике – через области применения в различных сферах общественного сознания. Совпадение общих и специфических функций, выполняемых культурными героями, покажет их различие и более четко высветит роль мифологического смыслообразования в области формирования политического героя.

В архаическом варианте культурный герой чаще всего рассматривается как персонаж мифических повествований, действия которого направлены на создание или добывание для людей различных культурных ценностей. У культурного героя несколько ролей: он может выступать в роли демиурга и бороться с хаосом, создавая мир и гармонию; быть первопредком, дающим начало роду и выступающим в качестве тотемного предка. Таково классическое определение культурного героя. Однако нас будет интересовать архетипический слепок с культурных героев, которые формируются в политической мифологии. Думается, что это будут «былинный культурный герой» и «эпический культурный герой».

«Былинный герой» претендует на большую историческую подлинность. Существует точка зрения, что былина – это преобразовавшийся со временем миф, однако уже имеющий свои собственные законы существования и каноны повествования. Для былин как произведений эпического характера естественны значительные размеры текстов, неременное наличие сюжета, вокруг которого строится действие, охват широкого пространства и значительных отрезков времени, медленный, величавый, повествовательный лад.

Схема становления былинного героя такова. 1. Зарождение от брака женщины со змеем. При его рождении гремит гром, всходит солнце, вздымаются волны моря и дрожит земля. Герой от рождения связан с природой, тем не менее звери, птицы и рыбы в страхе прячутся – родился великий охотник. 2. Ранние способности – к речи (в возрасте полутора часов), военному делу, грамоте и премудрости. 3. Под премудростями понимается оборотничество

(«Ясным соколом», «серым волком», «гнедым туром», «горностаем», «мурашиком», «рыбой-щученкой» и т.д.). 4. Удачливость в охоте и в войне благодаря хитрости и волшебным свойствам. Поэтому он может передвигаться по мифологическим мирам и в силу этого передвижения быть посредником между представителями этих миров. При этом он участвует в защите родного отечества от нападения врагов. Таков Волх (Всеславьевич) или Вольга (Буславлевич, Святославович). Интересен конечный путь героя – на сто с лишним сюжетов, известных классическому русскому эпосу, сюжеты о гибели их исчисляются единицами (таковы Святогор, Дунай, Сухман, Василий Буславович). Былинный герой не погибает, и не об этом поются былинные песни. Прославляются героические подвиги, быллинный герой, в отличие от сказочного – герой, защищающий Отечество. «Эпический герой» очень близок по своему содержанию «былинному». В. Я. Пропп, исследующий русский героический эпос, подчеркивает данную слитность «героев». Он считает, что эпос возникает на почве мифологии, однако, вырастая из нее, вступает с ней в противоречие, отрицает и преодолевает ее, т. к. связан непосредственно с исторической действительностью. Эпическая традиция в дальнейшем уступает место историческим песням. Интересно его замечание: «Эпос живуч не воспоминаниями прошлого, а тем, что он отражает идеалы, которые лежат в будущем. Он отражает не события той или иной эпохи, а ее стремления»¹. Поэтому эпические герои, носящие в эпосе те или иные имена исторических лиц, не соотносятся с этими лицами. Здесь важны общечеловеческие смыслы, выражаемые через действия данных героев. Например, эпический герой Святогор. Это герой обреченный, потому что пора его прошла – гигантский рост и исполинская сила не нужны в новых исторических условиях – развития земледелия и становления государственности. «Смена героев выражает смену двух исторических эпох – в этом основной, глубочайший смысл былины»². Знаменитые герои Добрыня-змееборец, Алеша Попович, Илья Муромец являются в первую очередь защитниками и хранителями отечественных границ. Они сражаются со змееподобными чудовищами, символизирующими врагов Киевского государства, освобождают русских людей, во множестве томящихся в плену у «змеев». Такие же черты можно найти не только в русской эпичес-

¹ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1999. С. 64.

² Там же. С. 87.

кой традиций, но и в индийской «Рамаяне», в якутском эпосе о богатыре Нюргун Боотур и др.

Поэтому «эпический герой» или «былинный» в отличие от «мифического» героя чаще всего не занимается творческой деятельностью, а упорядочивает уже существующие социальные отношения. Его поступки четко выражаются через систему бинарных оппозиций «свое – чужое», «доброе – злое», «человеческое – демоническое», «природное – социальное». При этом подчеркивается все положительно окрашенное и значимое для обычного существования человека – богатырь – защитник Отечества и рядовых его членов, он справедлив, бескорыстен. Он обладает волшебной силой, которая ему помогает и магическими знаниями. Он – пример для подражания. Однако в отличие от героя волшебной сказки, действия эпического героя не воспринимаются как вымысел. Поэтому эпический герой – образец для подражания, идеал, к которому необходимо стремиться в обыденном поведении. Таким образом, в целом понятию «мифического героизма» свойственны положительные деяния (мироустройство, наказание злодеев, принесение людям положительных образцов поведения). Однако тем и отличается архаический герой от современного политического, что под современным героизмом можно понимать власть человеческого духа над собственным телом с его инстинктом самосохранения и над социальной жизнью людей. Смысл «духовного» заменяется светским смыслом «власть». Как метко упоминал С. Московичи в заключении к книге «Век толп»: «Кто говорит «власть» – невольно говорит «вождь», кто говорит «вождь» – говорит «власть». Все остальное – это речевые уловки и игра понятиями»¹. Герой, как и гений, рождается как воля к власти над собой. Для этого и нужны инициации и пути, описанные архаическим мифом. Однако если гений превращает волю к власти над собой в волю к вдохновению, то герой делает ее средством, постепенно переходя в пространство воли к власти над внешним миром, превращаясь в вождя, властвуя над своим народом и стремясь овладеть другими народами. В мифологии герой пытается отыскать и смысл своей власти, выходящей за пределы телесности. Поиск этого смысла приближает его к гению. Отсюда гениальность есть возвышение над героизмом, а героизм есть трагическое воплощение гениальности в мире людей. Однако нужна ли массам гениальность? Ведь, одно дело – становление личной биографии героя, другое – мифотворчество масс, наделение героя теми смыслами, которые масса

¹ Московичи С. Исторический трактат по психологии масс. М., 2011. С. 351.

хотела бы видеть в вожде. Массам нет дела до того, как герой обрел свои качества. Для них – политический герой – божество, материализовавшееся в результате прозрения¹. Толпа скандирует имя героя, и ей не интересна его реальная биография. Достаточно того, что в нем толпа видит самое себя – свою страсть, свою жажду великих перемен, свое участие в истории. «Сила коллективного желания овеществляется в вожде. Все социальные условия: закон, справедливость, конституция – объявляются не имеющими никакой цены. Остается лишь мистическая сила и власть вождя, и воля его становится высшим законом»². При этом вождь должен соответствовать следующим условиям: 1. Относительная рациональность по сравнению с массой: «Вождь рационален в рамках идеи, которой он движим, и тем самым победа для него – неотъемлемое качество истины. Он руководствуется одновременно интуицией и рациональными доводами, соединяя их в мощный энергетический импульс»³. 2. Соответствие мифическому прототипу – связь с традициями общества. 3. Прохождение стадий «тотемический вождь» – «вождь-пророк» – «вождь-герой», при этом приобретаются качества «призванности», «фанатизма». 4. «Быть в центре мира» Символизм Центра выражает священность положения, аналогичное символизму Небесного – смыслового центра.

Итак, политический вождь – сверхчеловек. Это реальный человек, наделенный свойствами, намного превосходящими человеческую ограниченность, что дает ему могущество, власть для реализации желаемого. Классический образец сверхчеловека – миф о сверхчеловеке Ницше, не потерявший свою актуальность до сих пор. Архетип сверхчеловека анализировал и В. Соловьев, который утверждал, что человеку «естественно тяготеть к идеалу сверхчеловека», однако русский мыслитель рассматривал сверхчеловека как внутреннее самосовершенствование личности, ее победу над смертью в смысле воли к власти над самим собой. Для политического героя, сверхчеловека (героя-диктатора, тирана, вождя, верховного судьи-императора, халифа, царя) важна воля к власти как воля к манипулированию. Именно через политическую мифологию как инструмент воздействия на массы и происходит трансляция воли политического культурного героя к абсолютному манипулированию. Знаменитые фразы Короля Солнца Людовика XVI: «Государство – это я» и императора

¹ Иванова Е.В. Смыслообразующая функция мифа (образ культурного героя). Екатеринбург, 2004. С. 222.

² Кольев А.Н. Политическая мифология. М., 2003. С. 190.

³ Там же. С. 191.

Наполеона: «Франция – это я», в которых персонифицированы символы своего правления как единства всей нации.

Поэтому вождь для масс – это искусно сфабрикованный и организованный миф, в который верит и не может не верить любой из «толпы». Нужен ли массе Герой? Миф о Герое вожде создает как сама толпа (это ее чаяния, желания, надежды, мечты) – и возможно функционирование мифа в толпе на уровне сказочного творчества; так и специальные политические институты, заинтересованные в создании и трансляции мифического вокруг героя, и тогда мифемы превращаются в идеологемы.

В современном обществе архаический образ вождя отчасти сохраняется, хотя и не имеет абсолютной власти. Вождь перестает быть повелителем всего социума, ограничиваясь его частью или каким-либо фрагментом социального бытия (политизированных масс). Массы сами творят мифы о вожде герое, нуждаясь в них, появляется на бытовом уровне «политическая сказка», воплощающая те идеалы и смыслы, которые и хотели бы видеть массы в новом вожде. При этом субъектами современного политического мифотворчества могут быть как отдельные люди, участвующие в создании «лика» положительного культурного героя, поддерживая его путем создания общественного мнения, так и средства массовой информации. В поисках национальных и политических героев современные отечественные СМИ уступают западному влиянию. Почему у молодого поколения так популярны inferнальные религиозные герои, уступающие отечественным, эпическим или былинным? Очень мало внимания уделяется современным российским кинематографом созданию образцов или эталонов для подражания этим героям, а ведь это основы воспитания патриотизма, так необходимого для единения современного российского общества и для его будущего. Не следует ли об этом подумать: развенчать мифического культурного героя просто, а на создание, транслирование и формирование образца для подражания, чтобы он стал героем, – требуются поколения. Как нас будут представлять другие поколения, во многом зависит от образа, вмещающего все возможные аспекты видения плодов той цивилизации, результатом которой являемся все мы¹.

¹ Иванова Е.В., Фархитдинова О.М. Внеконфессиональная религиозность. Екатеринбург, 2013. С. 11.

Литература

1. Виноградова, Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян / Л.Н. Виноградова. – М., 2000. – 432 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. – М., 2000. – 636 с.
3. Зелинский, Ф.Ф. История античной религии / Ф.Ф. Зелинский. – Ростов-на-Дону, 2010. – 478 с.
4. Иванова, Е.В. Смыслообразующая функция мифа (образ культурного героя) / Е.В. Иванова. – Екатеринбург, 2004. – 298 с.
5. Иванова, Е.В., Фархитдинова, О.М. Внеконфессиональная религиозность / Е.В. Иванова, О.М. Фархитдинова. – Екатеринбург, 2013. – 138 с.
6. The problem of mysteriousness of Baba Yaga character in religious mythology // Журнал Сибирского федерального университета. Серия Гуманитарные науки. – 2013. – Т.6. – №. 12. – С.1857-1866.
7. Кольев, А.Н. Политическая мифология / А.Н. Кольев. – М., 2003. – 384 с.
8. Московичи, С. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М., 2011. – 396 с.
9. Полосин, В.О. Миф, религия, государство / В.О. Полосин. – М., 1999. – 440 с.
10. Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – М., 1999. – 640 с.

Л.Г. Иванова

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА МИГРАНТОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ¹

Аннотация. Представленная статья посвящена перспективам изучения книжной культуры молодых мигрантов в условиях адаптации к российской современной действительности, в частности, в условиях современного мегаполиса. Предложен вариант исследований традиционной категории – книжной культуры с позиции феноменологического подхода.

Abstract. Given article deals with the phenomenon of young immigrants' bookish culture under the processes of their adaptation to the contemporary russian reality in whole and modern metropolis in particular. The bookish culture as a traditional category is under consideration from a position of phenomenological approach.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 14-13-59004.